

В. И. Немирович-Данченко

Лапландия и лапландцы

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 91
ББК 26.8
В11

В11 **В. И. Немирович-Данченко**
Лапландия и лапландцы / В. И. Немирович-Данченко – М.: Книга по Требова-
нию, 2021. – 232 с.

ISBN 978-5-458-13806-2

Лапландия и лапландцы. Публичные лекции, читанные автором в 1875 году
в Санкт-Петербургском педагогическом музее.

ISBN 978-5-458-13806-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

I.

СТРАНА И ПУТЕВЫЯ ВСТРѢЧИ.

I.

К О Л А.

Горная, лѣсная и пріозерная глушь Лапландіи давно манила меня въ свои невѣдомыя пустыни. Я изучалъ все, написанное объ этомъ далекомъ краѣ. Почтенные труды Кастрена и Фрѣйсса, дающіе такъ много филологу, не удовлетворяли живой потребности познакомиться съ природою полярнаго захолустья и заглянуть въ бытъ его обитателей. Суровые и смѣлые промышленники Сѣвера рассказывали мнѣ о вѣчныхъ льдахъ на вершинахъ горъ этого края, о гранитныхъ утесахъ, утопающихъ въ небѣ, о величавыхъ водопадахъ и гремучихъ порогахъ лапландскихъ рѣкъ, и все это только пуще дразнило мое воображеніе. Свѣденія наши о Кольскомъ полуостровѣ оказывались недостаточными, карты—переполненными ошибками. Кастрень, этотъ благородный труженикъ науки, свидѣтельствовалъ

о томъ, что русскіе лопари не поютъ пѣсень, не рассказываютъ сказокъ. Я не вѣрилъ этому. Народъ, родственнѣй поэтическимъ финнамъ, живущій среди озеръ и вершинъ, мягкими очертаніями рисующихся на ясномъ фонѣ сѣвернаго неба, не можетъ не пѣть. Чуткій къ прошлому лопарь не долженъ былъ забыть его. Я былъ убѣжденъ, что найду народную поэзію этого обдѣленнаго племени. Къ сожалѣнію, я располагалъ малыми средствами. Смѣшно сказать, но на 100 рублей я долженъ былъ сдѣлать 3,000 верстъ Бѣлымъ моремъ и океаномъ, пройти около 1,000 верстъ пѣшкомъ внутри Лапландіи и нанимать лодки на ея рѣкахъ и озерахъ. Поэтому я ограничился изученіемъ западной половины полуострова и отказался отъ поѣздки къ лопарямъ терскимъ. Я не могъ купить ни инструментовъ для производства научныхъ наблюденій, ни вещей, облегчающихъ путешествіе по странѣ, гдѣ скорѣе наткнешься на медвѣдя, чѣмъ встрѣтишь человѣка. Меня предупреждали о коварствѣ номадовъ Лапландіи, совѣтовали запастись цѣлымъ арсеналомъ оружія,—я не взялъ и ножа, и не раскаялся въ этомъ. Только то обстоятельство, что я былъ первый въ захолустяхъ Лапландіи, обогатило

мою поѣздку нѣкоторыми небезынтересными данными. Послѣ важныхъ трудовъ и великихъ открытій гг. Пржевальскаго, Миклухи-Маклая и др. русскихъ, я не рѣшился-бы представить мой скромный очеркъ вашему вниманію, если-бы не былъ заранѣе убѣжденъ въ томъ, что всякое новое свѣденіе о той или другой странѣ нашего отечества должно быть общимъ достояніемъ.

Въ Кольскую губу я попалъ, выдержавъ бурю въ Ледовитомъ океанѣ. Жалкій лопарскій тройникъ чуть не размозжило непогодю. Его уже захлестывали громадныя волны, шквалъ оторвалъ верхнюю обшивку. Гребцы растерялись и бросили весла, унесенныя тотчасъ-же водою. Я сѣлъ къ рулю, смѣлый поморъ Романовъ, долго не думая, поставилъ парусъ. Быстрѣ птицы лодка то взвивалась на грандіозныя валы, то обрушивалась въ бездны, на днѣ которыхъ клокотала пѣна. Романовъ опытною рукою направлялъ шкотъ. Раза два мы черпнули воды, у меня унесло часть записокъ и скромную коллекцію береговой флоры. Къ счастью, это были единственныя жертвы арктической бури. Спустя немного тройникъ швырнуло съ налета въ пологій береговой мысъ. Оглушенные трескомъ разсыпав-

шейся лодки, придавленные парусомъ, мы остались на голомъ выступѣ гранитной, исполосованной трещинами, скалы, безъ лодки, вымокшіе насквозь, среди полнѣйшаго безлюдья. Непривѣтливо встрѣтила меня Лапландія. Голодные, измученные, мы побрели впередъ, огибая бухты Кольскаго залива, и только подъ утро издали послышалась звонкая пѣсня, прерываемая хрипыми голосами. Въ ближайшей губѣ оказалась лодка изъ Колы, плывшая на промыселъ. Рыболовы обсушили, накормили насъ, съ нами вернулись въ Колу на веслахъ, оставивъ промыселъ и рискуя потерять попутный вѣтеръ. При этомъ они знали, что съ меня ничего не получаютъ. Одна готовность принести пользу своему ближнему одушевляла ихъ.

Кола производитъ сильное впечатлѣніе. Губа расширяется. Вода покойно отражаетъ высокія горы, со всѣхъ сторонъ стѣснившія полярный городокъ. Сначала его и не замѣчаешь. Глазъ видитъ только красивыя вершины да голубое море. Потомъ уже выступаютъ небольшой островокъ съ церковкой и подножіе горы Соловараки. Оно образуется пороистой рѣкою Колой, гремуче привѣтствующей васъ изъ своего далека, и Туломскимъ рукавомъ губы,

широко синѣющимъ въ зеленыхъ рамкахъ пирамидальныхъ горъ. Въ этомъ небольшомъ пространствѣ разсыпаны по берегу гнилые рыбные сараи, скудные избы и среди пустошей убогія хижины, ютящіяся гдѣ-то далеко, сливаясь съ сумерками мглистаго вечера. На берегу килемъ вверхъ чернѣетъ множество карбасовъ, нѣсколько еще недостроенныхъ шнякъ тутъ-же поднимаютъ свои бѣлыя ребра. Крутая масса Соловараки, которою коляне хвастаются, какъ неаполитанцы своимъ Везувіемъ, грузно виситъ надъ городомъ; съ ея вершины подъ вами весь Кольскій заливъ, словно серебряная щель, соединяется съ безграничнымъ просторомъ океана. Позади горы за горами да свѣтлыя черточки запропавшихъ на горизонтѣ озеръ. Рѣка Кола извивается отсюда едва выступающею нитью... Но что лучше этого морского воздуха, который отовсюду вѣетъ на васъ, пропитанный запахомъ водорослей, живительный и всеисцѣляющій! Климатъ Колы перемѣнчивъ. Въ тихую лѣтнюю погоду термометръ показываетъ до 20° тепла, при сѣверномъ и сѣверо-восточномъ вѣтрѣ падаетъ до 5°. Зимой морозы рѣдко выше 30°. Съ горъ въ это время поднимаются сильныя вьюги, Колу заноситъ снѣгами,

такъ что изъ-подъ нихъ не видать и кровель. Начиная съ половины октября, зима продолжается до мая, когда вскрываются рѣки. Съ половины іюня по сентябрь—лѣто. Весною и осенью Кола отрѣзана отъ всего живого. Море недоступно; бури дѣлаютъ невозможнымъ передвиженія по пустырямъ Лапландіи. Мѣсяца по три сидятъ горожане, отводя свою скуку смертную на незатѣйливыхъ посидѣлкахъ. Бываютъ даже балы съ гармоніей вмѣсто оркестра. Часто выходятъ припасы въ лавкахъ и коляне питаются только рыбою и хлѣбомъ. Въ мой пріѣздъ я не могъ здѣсь найти ни мяса, ни чаю, ни сахару. Зимой еще лопари привозятъ сюда оленину. Доктора нѣтъ, школа помѣщается въ полуразрушенной избѣ, да гдѣ и найти лучшую? Единственная газета, выписывавшаяся въ мое время,—„Правительственный Вѣстникъ“. Прошлогодній „Голосъ“ коляне жадно расхватили у меня и съ необычайнымъ интересомъ читали старыя новости. Въ городѣ нѣтъ ни одного портного и сапожника. Все заказывается въ цвѣтущихъ городахъ Норвегіи—Вардо и Вадсе. Иногда выйдутъ чернила и нельзя написать ни одной строки. Книги всѣ наперечетъ и зачитаны до безобразія... Особенность Колы, дѣй-

ствительно бьющая въ глаза, — это ея женщины. Рослыя, сильныя, красивыя, онѣ по образу жизни, привычкамъ и дѣятельности не отличаются отъ мужчинъ. Колянка не только бьетъ акулъ, она править кораблемъ не хуже помора, ходитъ на шкунахъ и въ Норвегію, и въ Архангельскъ... Нужно видѣть ее во время шторма, безтрепетно командующею своимъ растерявшимся экипажемъ, на ловецкомъ карбасѣ въ бурю, управляющею рулемъ смѣлою и вѣрною рукой, чтобы понять, какая высокая нравственная сила создаетъ эту поразительную энергію, эту стойкость въ борьбѣ съ полярною природою. Въ поѣздку мою океаномъ изъ Войдо-Губы въ Вардо-Хузъ поднялась непогода. Нѣсколько встрѣченныхъ шкунъ, какъ тараканы, заползали въ береговыя щели отстаиваться отъ бури. Одно только судно дерзко рѣзало расходящіяся волны океана и плыло впередъ, управляемое колянкой, женою колониста Ф... И сама она стояла у мачты, словно каменная, только громче бури звучала. кругомъ ея команда да концы платка, повязывавшаго ея голову, раскидывались по вѣтру во всѣ стороны. Не такъ сдѣлалъ что-то матросъ — колянка подошла, поправила; кормщикъ потерялся — и его смѣнила.

Даже пассажирка-колянка не уйдетъ въ каюту во время непогоды. Она тутъ-же съ матросами дѣлаетъ одно дѣло. Есть колянки, превосходно знающія морское дѣло. Преданія рассказываютъ о такихъ женщинахъ изъ этой среды, которыя во время оно хаживали и на Грумантъ, т. е. Шпицбергенъ, и не на пароходахъ или хорошихъ шкунахъ, а просто на ладьяхъ. И такихъ въ Колѣ не мало. Ни въ чемъ колянка не отстаетъ отъ своего мужа или брата. Зимой она также ходитъ на своеобразную охоту. Выкопавъ яму, она строитъ надъ нею шалашъ, засыпаетъ снѣгомъ его, оставляя небольшое отверстіе для ружейнаго дула. На всю ночь она садится сюда и ждетъ звѣря на приманку, которою служитъ какая-нибудь падаль. Сюда слетаются вороны, за ними крадутся лисицы. Одна колянка успѣла отъ трехъ волковъ отстояться, другая убила медвѣдя въ окрестныхъ горахъ, да и пригнала шкуру его въ городъ. Рассказываютъ, что еще двадцать лѣтъ тому назадъ въ Колѣ жила красивая молодка, удерживавшая лодку съ берега въ то время, какъ два сильныхъ гребца силились выгresti ее подальше. Во время весенняго промысла, когда по океану еще ходятъ льды, когда стужа